

УДК 821.161.1-31

*Е.А. Подшивалова***«ЛЕТНИЙ ТЕКСТ» В КНИГЕ СТИХОВ Б. ПАСТЕРНАКА «СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ»**

В статье рассматривается летний текст, входящий наряду с другими сезонными текстами в книгу стихов Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь». Отталкиваясь от давно высказанной учеными мысли об антропоморфности образа лета в данном произведении, мы поставили целью рассмотреть характер и – шире – психотип данного сезона, проявляющийся в «поведенческих» стратегиях, в способах жизнедеятельности. Лету в «Сестре моей – жизни» свойственна эксцентричность. Отсюда все его действия спонтанны, непредсказуемы. Оно склонно к игре, озорству, провокативности, разрушению границ, к агрессивной самопрезентации, игнорированию каких-либо норм. Оно заполняет собою все пространство мироздания – и природный локус, и локус человека, характер которого подстраивается под характер лета. Образ лета в книге стихов по сути оказывается отражением психотипа самого биографического автора.

Ключевые слова: Б. Пастернак, «Сестра моя – жизнь», летний текст, характер.

Исследователи творчества Б. Пастернака уделяют особое внимание книге стихов «Сестра моя – жизнь», считая ее программным произведением, образно воплощающим представления автора о поэтическом искусстве. По мнению Л. Флейшмана, мир увиден поэтом словно впервые, «детским» взглядом. «Детскость» рассматривается ученым как признак «творческой самобытности и зрелости» Пастернака, «обретенной в книге “Сестра моя – жизнь”» [13. С. 43]. Анализируя это произведение, исследователи в основном сосредоточились на принципах изображения мира, нацеленных, с точки зрения В.Н. Альфонсова, на восстановление его единства [1. С. 13]. Поэтому детально описан образный ряд книги: образ детства, с помощью которого автор создает впечатление новизны мира [13]; образ зеркала, позволяющий выразить идею искусства как органа восприятия [13]; образ дождя, «равнозначный для Пастернака жизни» [14. С. 73], связывающий мир трансцендентной реальности с миром эмпирической действительности; образ хаоса, который равновелик «“разливу” жизни, ее свободе» [1. С. 336]; образ плетня, мыслимый символом музыки [6]; образы лета и женщины, являющиеся эквивалентами самой жизни [2].

Исследователи единодушны во мнении о том, что стихи Пастернака о природе – это не пейзажная лирика. В. Альфонсов считает: в «Сестре...» нет ни «русссоистской тенденции», ни «тютчевского параллелизма (вот человек – и вот природа)»; природа здесь равнозначна самой жизни [1. С. 92]. С точки зрения В.В. Мусатова, природа для Пастернака – это образец гармонии, она способна исцелять человека. И «если Фет доверялся прежде всего красоте бытия через природу, если Анненский подверг это жесточайшему сомнению, то Пастернак реабилитировал природу как творческий замысел, частью которого является сам человек» [8. С. 165]. Н.А. Фатеева отмечает: «В мире Пастернака “всеобщая одушевленность” становится обязательным признаком» [11. С. 65]. М.Н. Эпштейн уверен, что «ни у кого природа не одушевлена так, как у Пастернака», и это не просто олицетворение. «При отсутствии наружного сходства, очеловечиваются сами действия, повадки природы» [16. С. 250].

Исследователь считает книгу «Сестра моя – жизнь» «самой летней», «самой лермонтовской» и «самой пастернаковской»: «Пастернак (...) после Лермонтова – самый летний русский поэт, остро воспринимавший прелесть тепла, дождя, сада...» [16. С. 184]. Ученый утверждает, что не лето в его разгаре любит поэт, а «касания лета», его мгновенные, мимолетные проявления.

По мнению С.Н. Бройтмана, в «Сестре моей – жизни» важен подзаголовок – «Лето 1917 года». «Слово “лето” здесь стоит после слова “жизнь” и создает с ним смысловую пару, укорененную еще в мифологической семантике» [2. С. 25]. Ученый выделяет в книге смыслообразующий образный ряд «лето» – «жизнь» – «любимая женщина» и подчеркивает тесную взаимосвязь этих образов [2. С. 25].

Отталкиваясь от высказанной учеными мысли об антропоморфности образа лета в данном произведении, мы ставим задачу рассмотреть характер и – шире – психотип данного сезона, проявляющийся в его «поведенческих» стратегиях и способах жизнедеятельности.

Образом лета объединяется наибольшее число стихотворений книги «Сестра моя – жизнь», посвященных сезонной тематике. Из них можно составить летний текст – некое межстихотворное единство, являющееся элементом системы целого произведения. В последние десятилетия обнаружился

устойчивый интерес ученых к семантике календаря, запечатленного в художественных произведениях [См., например: 3; 5; 7; 10; 15; 16; 17]. В многочисленных исследованиях сложилось понятие «сезонный текст», предполагающее наличие «ярко выраженной сюжетной и образно-смысловой парадигматики» и индивидуально-авторской интерпретации времен года [15. С. 3]. Летний текст начинает формироваться в русской поэзии в эпоху сентиментализма. Образные воплощения лета утвердились в творчестве поэтов XIX–XX вв. и рассматриваются литературоведами в качестве универсалий русской литературы [12].

Лето в книге «Сестра моя – жизнь» представлено образами сада, дождя, звезд, птиц, облаков и т. д., запечатленными в русской поэзии задолго до Пастернака. Но поэт придал им новый статус. Эти образы не используются для создания только пейзажных картин или метафорического отображения состояний души лирического «я». Они наделяются демиургической функцией, поэтому показаны в процессе деятельности, в самопроявлении. Характер этого самопроявления и будет объектом нашего дальнейшего описания.

Образы, репрезентирующие лето в тексте книги, по деятельностному потенциалу равноправны с лирическим «я». Человек здесь не столько наблюдает за природой, сколько находится под воздействием ее активных проявлений. Лирическое «я» и явления летней природы одинаково субъектны, они могут обмениваться эмоциями, жестами, энергией. Природный мир воздействует на «я» («в гипнотической этой отчизне / Ничем мне очей не задуть» [9. С. 115]) и в равной мере «я» воздействует на состояние природных явлений (сад «...моей тоскою выныанчен (...) / Он ожил ночью нынешней» [9. С. 116]).

Жизнь летней природы полнокровна и самоценна: сад «капнет и вслушается» («Плачущий сад»), «он ожил» («Ты в ветре, веткой пробуящем»), «звёзды дышат» («Звёзды летом») и т. д. Потому субъект речи в соответствующих лексико-грамматических формах отражает ее равновеликость себе. Для лирического «я» природа не «она», а «ты» – собеседница. Он так и обращается к ее явлениям: «тишина, ты – лучшее из всего, что слышал» («Звёзды летом»); «ты (...) сиреневая ветвь» («Ты в ветре, веткой пробуящем»); приказывает дождю: «Лей, смейся, сумрак рви», «снуй», «бейся», «окутывай», «опутывай» («Дождь»).

Летняя природа не просто олицетворяется, она наделяется душой и сознанием. На глазах лирического «я» сад «ожил», «забормотал» («Ты в ветре, веткой пробуящем»). Но этого мало. За физическим действием сада следует движение его же «эмоции» и «мысли» («капнет и вслушается: / Все он ли один на свете» [9. С. 113]). Жест сада («мнет ветку в руках, как кружевце») свидетельствует о состоянии самопогруженности, в котором он пребывает. Этот жест по сути эксплицирует «внутреннее я» природного явления, погруженного в интимное переживание процесса своей жизни. Сад способен не только опосредованно (через жест), но и непосредственно (через действие) выражать свои эмоции, например, плакать («Плачущий сад»).

Жизнь лета состоит из тех же обыденных событий, что и жизнь человека: «очки по траве растерял палисадник», «книгу читает тень» («Зеркало»). Но по насыщенности событиями жизнь лета представлена более богатой и разнообразной, нежели жизнь человека. Каждая травинка, каждый лепесток, каждая капелька в летнем тексте живёт, дышит, думает, испытывает какие-то чувства: «влага (...) робеет», «их две (...) целующихся», «капли сменяются» («Душистой веткой машучи»); «пыль глотала дождь», «слепли капли» («Душная ночь»); звёзды «рассказали страшное», они «дышат радостью», «обдают сияньем» («Звёзды летом»). Летняя природа не просто наделяется способностью к деятельности. Деятельность является ее сущностной чертой. Образы лета активной человека в способности к действию и преследуют его, подчиняя своей неутомимой натуре: «Еще я с улицы за речью / Кустов и ставней – не замечен, / Заметят – некуда назад: / Навек, навек заговорят»; «У плетня / Меж мокрых веток с ветром бледным / Шел спор. Я замер. Про меня!» [9. С. 136].

О характерологических чертах летнего сезона лучше всего свидетельствует образ *сада*. Сад формирует у лирического «я» представление о безграничности летнего мира (неслучайно постоянный эпитет сада – «огромный»), который переполнен различными проявлениями осуществляющегося события жизни. В саду лирическое «я» слышит разнообразные звуки: «жуткие глотки», «плескания в шлепанцах», «вздохи» плачущего сада, шуршание воды («шуршит вода»), чириканье чижа («чирикнув, на цыпочках скачет чиж»); вдыхает множество запахов: запах смолы («сосны (...) воздух саднят смолой»), запах лекарственных растений («...в запах сонных лекарств»). Летний сад не знает порядка, поэтому лирическое «я» перефразирует его имя, называя «буреломом» и «хаосом». В беспорядке садового пространства субъект речи видит не ведающую покоя, кипящую каждую секунду жизнь. Летний сад не

знает границ. Он вторгается в жилище человека, в предметы обстановки: «Огромный сад тормозится в зале / В трюмо – и не бьет стекла» [9. С. 114]. Сад заполняет одновременно пространство комнаты и всего мира: «Несметный мир семенит в месмеризме» [9. С. 114]. Метонимический образ сада – ветка – повторяет присущую ему поведенческую модель: «Из сада, с качелей, с бухты-баракхты / Вбегает ветка в трюмо! / Огромная...» [9. С. 115]. Ветка не отражается в зеркале, а «вбегает в трюмо», разрушая границу между реальностью и ее отражением, между природным и домашним пространствами. Ветка утрачивает и свои физические границы, постепенно выходит за пределы своей «телесности»: сначала она описана как «огромная», потом как «громкая» и, наконец, как заслонившая сад («Сад застлан, пропал за ее беспорядком, / За бьющей в лицо кутерьмой» [9. С. 115]). Таким образом, ветка увеличивается не только до размеров сада, но и мира. И еще один пример разрушения границ, но уже в области человеческих связей: ветка названа «близкая» – «родная» – «сестра». Здесь подчеркнута динамика отношения к ней лирического «я», что связано с изменением степени родства: будучи сначала «близкой», ветка в итоге названа «сестрой», словом, которым обозначают кровную связанность людей. Лирическое «я» делает акцент на родственности характеров: ветка ему «характером – / Сестра!».

Лирическое «я» воспринимает самопогруженную имманентную жизнь сада эмоционально, ибо не может отнестись к нему как к объекту рационального познания. Наблюдающий за садом человек видит разные его состояния. В стихотворении «Плачущий сад» детально изображено экстатическое состояние этой природной сущности. Лирическое «я» наблюдает за тем, как сад, отъединившись от мира и прислушиваясь к окружающему, повторяет одно и то же действие: «Берется за старое – скачивается / По кровле за желоб и через». Погруженный в свою «внутреннюю» жизнь сад не замечает окружающего, например, того, что «давится внятно от тяжести / Отеков – земля ноздреватая». Лирическое «я» не вмешивается в жизнь сада, не обнаруживает себя каким-либо образом, не стремится вывести сад из самопогруженного состояния. Субъект речи только повторяет его действия: «К губам поднесу и прислушаюсь: / Все я ли один на свете, / Готовый навзрыд и при случае, / Или есть свидетель». Став свидетелем «внутреннего» состояния «плачущего» сада, он сам в итоге оказывается под властью этого состояния. Сад, таким образом, поставлен в позицию субъектности по отношению к лирическому «я», которое в процессе наблюдения утрачивает самость и субъектность. Сад психологически воздействует на «я», моделирует поведение последнего. Отсюда эмоционально-оценочная реакция субъекта сознания на энергетическое влияние сада. Она выражена поставленной в сильную позицию начала стихотворения лексемой «Ужасный!» и восклицательной интонацией. Этот энергичный риторический жест свидетельствует о том, что лирическое «я» не только поведенчески подчинилось энергетике сада, но и воплотило последнюю поэтически – в лексической и интонационной формуле, отражающей эмоциональную реакцию на неуправляемый, независимый и неподвластный характер летнего сада, погруженного в переживание только что снизошедшего на него дождя.

По отношению к саду в тексте книги это эмоционально-оценочное слово повторится дважды – в стихотворениях «Плачущий сад» и «Душная ночь». В последнем сад наделен характеристикой «говорящий»: «Я чувствовал, он будет вечен, / Ужасный, говорящий сад» [9. С. 136]. Поскольку сад обрел способность к речевой деятельности, он становится соперником поэту. Субъект речи «не замечен» «за речью кустов и ставней». Но он ощущает опасность: «Заметят – некуда назад: / Навек, навек заговорят». «Говорящий сад» подавляет лирическое «я» способностью к интенсивной речевой деятельности, преодолевающей даже само течение времени («вечен (...) говорящий сад»; «навек, навек заговорят»). Поэтому лирическое «я» в этом стихотворении в слово «ужасный» вкладывает уже не свою спонтанную эмоциональную реакцию на невозможность коммуникации с самопогруженным «плачущим садом», а употребляет это слово как постоянный эпитет, как сущностное определение «говорящего сада».

Лето в книге стихов Б. Пастернака мыслится природным сезоном, тождественным самой жизни. Эта сущность лета наиболее полноценно проявлена в образе *дождя*. Дождь изображается не просто активным, а творчески активным, он преобразует картину мира. Летняя гроза – это «ночь в полдень», а «ливень – гребень ей» [9. С. 116]. Лирическое «я» воспринимает дождь как художника, «смазавшего карту будня, / Плеснувши краску из стакана» (В. Маяковский), поэтому грозовому ливню, превратившему мир в образ «тьмы египетской», он поет Осанну. С летним дождем связана мысль о выздоровлении мира: прошёл дождь, и «пахнуло выпиской из тысячи больниц» [9. С. 117]. В некоторых стихотворениях дождь изображается как слёзы: сад, «обрызганный (...) мыльным синих слёз» («Ты в ветре, веткой пробуящем»). Но дождь – это не только небесные слезы, которыми омывается сад. Дождь может изображаться как слезы самого сада: не зря лирическое «я» называет его «плачу-

щим». Слёзы сада, как и неба, светлые, очищающие. Дождь, подобно саду, может вести себя вызывающе и агрессивно: он метит «целыми деревьями в глаза, в виски, в жасмин», «усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил лак экипажей».

Еще более полнокровно творческий потенциал лета проявляется в образе *грозы*. Гроза в книге стихов – самое демиургически продуктивное явление летней природы. Она не просто освежает, а пересоздает мир, задает ему новую жизненную планку, повышая энергетический градус жизни. После грозы растительность становится пышнее и блещет новыми красками: стал «клевер бурен и багров» («Наша гроза»). Раскаты грома перекрывают привычный для человеческого уха диапазон звучания мира, формируют новое представление о звучности бытия: «Звон вёдер сшиблен набекрень» («Наша гроза»). Гроза воспринимается как эксцентричное, неуправляемое явление («О, что за жадность: неба мало?!») [9. С. 129], в ее повадках проявляется самоуправство, волюнтаризм: «Гроза, как жрец, сожгла сирень» [9. С. 129]; гром, «...нарвав охажку / Молний, с поля ими трафил / Озарить управский дом» («Гроза, моментальная навек»). Подобно саду и дождю, являясь в мир, гроза агрессивно себя презентует: «сожгла сирень»; гром «Сто слепящих фотографий / ночью снял», он разливается «волной злорадства»; ливень «грязнул (...) всем плетнем». Подобно саду, гроза вторгается во внутреннее «я» человека: под воздействием молний, грома, ливня его обыденный разум сокрушается, но обретает новую степень ясности: «Стал мигать обвал сознания: / Вот, казалось, озарятся / Даже те углы рассудка / Где теперь светло, как днем» [9. С. 149].

Как видим, в книге «Сестра моя – жизнь» сад, дождь, гроза, гром создают представление о лете как о сезоне с эксцентричным спонтанным характером, активно – одновременно агрессивно и созидательно – вторгающимся в жизнь природы и человека.

Даже летняя *ночь* здесь не погружает мир в спокойствие и сон. Ночью, как и днем, природа находится в деятельном состоянии: оживают звёзды, наблюдают за человеком, приводят его в состояние бдения: «Рассказали страшное, / Дали точный адрес, / Отпирают, спрашивают, / Двигутся, как в театре» [9. С. 125]. Летним звёздам, как и грому, свойственно «непослушание», которым они заряжают человека: летнее звёздное небо «в бездне поводов, / Чтоб набедокурить» [9. С. 125].

Деятельно-провокационное поведение летних образов может стать не просто навязчивым, но и агрессивным: «Огромный сад тормозится в зале / Подносит к трюмо кулак» [9. С. 115]; ветер «ломится в жизнь» [9. С. 114]; сад «Всю ночь в окошко торкался» [9. С. 116]; «В природе лета было жечь» [9. С. 120]; «...ветер, по таволге веющий, / Ту капельку мучит и плющит» [9. С. 122]; «Лодка колотится в сонной груди, / Ивы нависли, целуют в ключицы, / В локти, в уключины...» [9. С. 123].; «Гроза, как жрец, сожгла сирень» [9. С. 129]; полночь «на шлях навалилась звездами» [9. С. 135]; «круглое лето» «Сургучом опечатало грудь бурлака / И сожгло Ваши платья и шляпы» [9. С. 154] и т. д. Агрессивно-творческая деятельность лета может быть направлена и на те образы, которыми оно само представлено: «На лугах лица нет, / У прудов нет сердца, бога нет в бору» [9. С. 131]. Жизнеспособная энергетика замешана на страдании того материала, из которого создается мир, потому в летней степи «Вздыхает ковыль, шуршат мураши, / И плавает плач комариный» [9. С. 134], «Пылал и пугался намокший муслин, / Льнул, жался и жаждал финала» [9. С. 135]. Мучительное ожидание завершения творческого преобразования мира, которое совершается летом, переживается одновременно явлениями природы и лирическим «я»: намокший муслин «жаждал финала» и лирическое «я» умоляет небесную высь «приблизить час», когда нависшие над миром тучи прольются дождем: «Я умолял их перестать»; «Я умолял приблизить час»; «Я их просил – / Не мучьте!» [9. С. 136-137].

Творческая деятельность летних образов (грозы, дождя, сада) представлена как коммуникативный акт, через который осуществляется сущностный контакт Вселенной и человека. Летние образы выступают инициаторами этого контакта: «Просит роща верить: мир всегда таков» [9. С. 132]. Коммуникацию с человеком образы летней природы осуществляют в форме императивов: «Ты спросишь, кто велит, / Чтоб август был велик» [9. С. 150]. И человек воспринимает это повелевание как непреложный закон, как то, что нельзя оспорить и подвергнуть переосмыслению, как то, чему нужно просто довериться: «...мир всегда таков. / Так задуман чашей, так внушен поляне, / Так на нас, на ситцы пролит с облаков» [9. С. 132]. Это доверие к миру оборачивается в летнем тексте книги стихов «Сестра моя – жизнь» освоением той модели коммуникативного поведения, которую мир предлагает человеку. Лирическое «я» обращается к омывающему мироздание летнему дождю тоже с помощью глаголов повелительного наклонения, нацеленных на активизацию его преобразующей энергии: «...наигрывай, / Лей, смейся, сумрак рви, / Топи, теки эпитафой (...) / Снуй шелкопрядом тутовым / И бейся об окно. / Окутывай, опутывай» [9. С. 116].

Склонность к разрушению границ, к ненормативному поведению, спонтанным реакциям, проявляющаяся в «повадках» летних образов, позволяет назвать «характер» этого природного сезона неуравновешенным и эксцентричным. Данный характер свидетельствует о том, что наделенный им субъект принадлежит по классификации К. Юнга к психологическому типу интроверта. Человек данного склада действует и мыслит, ориентируясь на субъективный процесс, субъективные представления, он не соотнобразуется с объективными условиями, с требованиями окружающего мира [18. С. 367]. Такому психологическому типу свойственно озорство, игровое поведение, непредсказуемость, бурные реакции. Подобными чертами наделен образ летнего сада («огромный сад тормозится в зале»; «ломится в жизнь»; «сад (...) / Подносит к трюмо кулак, / Ббежит на качели, ловит, саднит, / Трясет»; «сад (...) ожил, забормотал, запах»). Черты этого психологического типа угадываются и в образе летнего дождя (деревья по дождем «хохочут, сшиблись – ниц»; капельки «смеются и вырваться силятся»). Игровое поведение характерно для звезд на летнем небе. Они «Отпирают, спрашивают, / Двигутся, как в театре»; «Блещут, дышат радостью, / Обдают сияньем» [9. С. 125]. Лирическое «я» констатирует: летом даже «...мысли / Сбились в белый кипень / Дятлов, туч и шишек, / Жара и хвои» [9. С. 131].

«Характер» жизнедеятельности лета и творческие проявления лирического «я» метафорически связаны. Л.Я. Гинзбург писала о метафорическом мировосприятии Б. Пастернака, которое, является выражением мысли о всеобщей сцепленности. В книге «Сестра моя – жизнь», по ее мнению, «все захвачено силой жизни, напором жизни» [4. С. 349-353]. В «характере» лета как раз и проявляется энергетический потенциал жизни, которая мыслится Б. Пастернаком как абсолютное творчество. Потому летний текст книги «Сестра моя – жизнь» включает стихотворения, не только обрисовывающие образ лета, но и изображающие лирическое «я», сформированное этим сезоном, и как следствие – воспроизводящее в поэтическом языке коммуникативную модель, свойственную лету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.
2. Бройтман С.Н. Эпиграфы в книге Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» // Известия РАН. Серия Лит. и языка. 2004. Т. 63, № 2 С. 23-32.
3. Гайворонская Л.В. Семантика времен года в художественном мире А.С. Пушкина: учеб. пособие для вузов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 242 с.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 409 с.
5. Душечкина Е.В. Антропоморфизация и персонафикация времен года в окказиональной поэзии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. С. 280-287.
6. Кружков Г.М. «Заглохший горох» Пастернака: визуальный аспект метафоры // Звезда. 2012. № 10. С. 191-194.
7. Маслова А.Г. Времена года в поэзии Державина // Преподаватель XXI век. Филологические науки. 2010. Т. 2, № 3. С. 317-324.
8. Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века: От Анненского до Пастернака. М.: Прометей, 1992. 220 с.
9. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1965. 732 с.
10. Поплавская И.А. Текст «времена года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В.А. Жуковского // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 388. С. 17-23.
11. Фатеева Н.А. Весной я болен...: заметки о поэтическом мире Бориса Пастернака // Русский язык в школе. 2004. № 6. С. 64-69.
12. Фаустов А.А. Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации // Универсалии русской литературы. Воронеж: Изд. дом Алейниковых, 2009. С. 8-29.
13. Флейшман Л.С. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 784 с.
14. Франк В.С. Водяной знак: Поэтическое мировоззрение Пастернака // Лит. обозрение. 1990. № 2. С. 72-74.
15. Шохина Е.В. Семантика времен года в поэзии пушкинской поры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 18 с.
16. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.
17. Юкина Е., Эпштейн, М. Поэтика зимы // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 171-205.
18. Юнг К.Г. Психологические типы / пер. с нем. С. Лориеа. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. 527 с.

*E.A. Podshivalova***“SUMMER TEXT” IN B. PASTERNAK’S BOOK OF POEMS “MY SISTER – LIFE”**

The article reviews the summer text included into B. Pasternak’s book of poems “My sister – life” alongside with other “seasonal” texts. Proceeding from the widely assumed reflection of scientists related to anthropopathy of the image of summer relevant to this literary writing, our objective is to deal with the character and – in a broader sense – with the psychological type of the season under discussion. The psychological type is revealed through “behavioral” strategies and lifestyles. Summer in “My sister – life” is characterized by its eccentricity. Consequently all its activities are spontaneous and unpredictable. It tends to play, behave outrageously, provoke, transcend borders, present itself in an aggressive way and ignore all standards. It occupies the whole universe – be it natural locus or human locus which is expected to stay in tune with the character of summer. By and large the image of summer in this book of novels proves to reflect the psychological type of the author himself.

Keywords: B. Pasternak, “My sister – life”, summer text, character.

Подшивалова Елена Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: podshlena1@mail.ru

Podshivalova E.A.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: podshlena1@mail.ru